

Яковлев. К сожалению, мы начнем диспут в отсутствие одного из участников, Андрея Николаевича Клепача, который еще едет. Мы сейчас с ним созванивались, он едет, но пока не доехал. Соответственно, у нас будет первым выступление Бориса Викторовича Кузнецова в нашем стандартном режиме – 20 минут. После чего, я надеюсь, будут все-таки вопросы хотя бы по части выступления от второго участника. Затем будет выступление второго участника еще на 20 минут, ответные вопросы и, соответственно, ответы между участниками.

Некая новация сегодняшнего диспута будет связана с тем, что мы хотим, в том числе с учетом большого числа людей в аудитории, в этот раз собрать вопросы из зала в виде записок. У меня просто большая просьба по мере возникновения у вас вопросов написать их на бумажке и передать в первый ряд. А затем девушки их соберут и передадут нам сюда. После чего, после обоих выступлений мы организуем ответы на вопросы докладчиков - просьба указывать, кому адресован вопрос. И лучше тоже указать автора, подписаться, чтобы было понятно, кто его задает. После ответов на вопросы у нас будет оставлено время для дискуссии, когда традиционным образом можно будет в микрофон высказать свои комментарии по предмету дискуссии.

Мы начинаем. Первый докладчик у нас Кузнецов Борис Викторович. У него 20 минут. И я просто хочу напомнить вопросы этой дискуссии, которые у нас рассылались. Каковы основные механизмы воздействия санкций на экономику России? Каковы размеры прямых и косвенных потерь российской экономики от действующих санкций и контрсанкций в короткой и длинной перспективе? Какие экономические агенты выигрывают, а какие проигрывают в результате санкций? И последний вопрос: какие изменения в экономической политике необходимы для снижения потерь и максимизации выигрыша от санкций?

Заявленная позиция участников сводится к тому, что Андрей Клепач в целом полагает, что от санкций можно что-то выиграть, хотя это будут определенные потери в начале, но потом может быть позитивный эффект. Позиция Бориса Викторовича Кузнецова, в общем, скорее пессимистическая, что санкции – это в любом случае плохо. Это просто первичное обозначение позиций. Пожалуйста, у Вас 20 минут.

Кузнецов. Добрый день. Я себя ощущаю как герой известной песни Михаила Анчарова про органиста: «Я шел к органу, скрипя половицей, свой маленький рост кляня. Все пришли слушать певицу, и никто не хотел меня». Я понимаю, что все пришли слушать Андрея Николаевича Клепача, но, увы, придется слушать сначала меня.

Реплики. Это не так!

Кузнецов. Я начну с того, что, в общем, я думаю, все знают. Сразу хочу извиниться. Конечно, я буду говорить про санкции, даже немножко буду говорить про общий их ущерб и т. д., но занимаюсь я микроуровнем и предприятиями в основном. И поэтому, прошу прощения, я буду смотреть на проблему санкций глазами своих любимых объектов исследования.

Я кратко напомню, о чем собственно речь, если говорить о тех санкциях, которые уже действуют. Они делятся на несколько типов, многие из которых, совершенно очевидно, имеют символическое значение, типа «черных списков», визовых ограничений для жителей Крыма и прочее, и оценивать экономический ущерб от них, наверное, не имеет смысла. Это просто сигнал. Есть менее символические, но тоже достаточно несущественные меры, типа не работать с крымскими предприятиями, которые были отобраны: «Массандра», «Черноморнефтегаз» и прочие. Там есть, конечно, ущерб, но, наверное, в масштабах страны мы тоже можем им пренебречь. Поэтому, по сути, реальные санкции, для которых можно оценивать ущерб, стали вводиться летом. То есть не в первую волну, а во вторую волну санкций, где-то летом этого года, когда попали под санкции уже ряд крупных компаний России, в том числе военно-промышленного комплекса, но попали и «Добролет», и позже нефтянка, когда были введены ограничения на поставки технологий двойного назначения, а также технологий для шельфовых работ.

Ну и первым серьезным с экономической точки зрения ударом стали тоже введенные летом и ужесточенные в сентябре ограничения на заимствования для крупных банков с госучастием за рубежом. Не запрет, но ограничения.

Я в списке красненьким выделил «продовольственное эмбарго» так называемое, почему – потому что, вообще-то говоря, с методической точки зрения, я не должен и не очень хочу это обсуждать, потому что это же, в общем, из области унтер-офицерской вдовы: это санкции, которые Россия ввела против себя. Либо это надо рассматривать как протекционистские меры экономической политики, но тогда это уж никак не санкции. А санкции против Европейского союза не являются предметом обсуждения.

Какие-то оценки - не мои - вынесены в эту таблицу, но они, как мне представляется, сделаны по принципу «пол – потолок». Интегральная оценка со стороны Европейской комиссии – это потери порядка 30 миллиардов долларов в 2014 году и 95 – в 2015-м. А оценка Минфина России для 2014 года в районе 6–7 миллиардов, где-то так, а для 2015 года я оценок не нашел,

Почему я считаю, что это несущественно? Потому что на самом деле, даже если мы берем максимум, верхнюю границу таких оценок, то пока, если не будет эскалации санкций, все это больно и причиняет ущерб российской экономике, но, я бы сказал, не фатально. Я написал, что это примерно сопоставимо по масштабам затрат с проведением Олимпиады-2014. Мы это как-то спокойно пережили, ничего страшного.

Хуже другое. Хуже то, что, с моей точки зрения, не столько сами санкции, сколько атмосфера вокруг них позволяет говорить, что дискурс-то другой, не ущерб как таковой. И обсуждают люди даже не столько те санкции, которые введены, а очень часто те, которые, как они считают, неизбежно будут введены. И дискуссия крутится уже вокруг модели развития российской экономики. И, с моей точки зрения, это действительно существеннее, чем подсчет: миллиард туда, миллиард сюда, выгадали там два, проиграли три, или наоборот... Еще раз повторю, что я категорически отказываюсь оценивать политическую целесообразность тех или иных шагов. Я просто констатирую как патологоанатом, то есть как экономист, что речь идет о том, что на протяжении последних 20 с лишним лет Россия сознательно или бессознательно, то есть была ли такая цель (ну, в 90-е, наверное, скорее была, а в 2000-е скорее не было), но Россия двигалась по более или менее стандартной модели страны с догоняющим развитием, с поправкой на нефть, огромную территорию и прочие особенности. Тем не менее, у нас многие отрасли прекращали свое существование, поскольку не могли конкурировать даже на внутреннем рынке с импортом, шло заимствование технологий, медленно, но верно расширялись иностранные инвестиции, причем отнюдь не только в нефть и газ, но и в другие сферы. Я бы сказал так: по многим параметрам хуже, чем в Китае, но это развитие шло, общие направления рельс были теми же самыми. Да и результаты получились хуже, чем в Китае, правда. И, может быть, в связи с неким разочарованием по этому поводу, особенно после того, как мы стали сползать в стагфляцию последние годы. Вот санкции и пришлись ко двору в том смысле, что они дали повод возобновить эту не новую дискуссию, о том, должны ли мы жить в глобализованном, интегрированном мире? Или нам там некомфортно и нам будет лучше, если мы будем опираться больше на собственные силы, по крайней мере, снижать всячески зависимость от внешнего мира.

Моя позиция (пока этот тезис бездоказательный) состоит собственно в следующем: если мы рассматриваем санкции как все-таки эпизод, как нечто временное, то есть в марте ЕС соберется и не достигнет консенсуса о продлении санкций, и они отменятся, тогда не стоит, наверное, подсчитывать убытки. Хотя они будут в любом случае и будут долгосрочные, потому что имиджевые потери никто не отменял. И даже в случае отмены санкций в марте на зарубежных рынках все равно будет очень трудно и дорого занимать скорее всего. По крайней мере, какое-то время. Но мы это – репутационные потери - уже проходили в 98-м году, ничего страшного.

А, вот и «певица». Привет.

Но если относиться к санкциям, дискутировать вокруг них, исходя из того, что они приняты навсегда, то тогда это более серьезная дискуссия. И у меня нет лично аргументов, которые давали бы повод оптимистично относиться к автаркичной модели развития.

Хотя сразу, помогая Андрею Николаевичу Клепачу, который, небось, без презентации, я должен сказать, что возможности для автаркии, возможности для импортозамещения, они бескрайние в России. Здесь не мои, чужие данные: таможенники, Центр макроэкономического анализа и прогнозирования... Там указана по некоторым товарам зависимость от импорта, а здесь объемы импорта. Видно, что 134 миллиарда всего, а машины и оборудование – 68 миллиардов. То есть рост производительности и модернизация в значительной степени зависят от импорта современного оборудования.

Все, что я буду говорить дальше, я буду иллюстрировать на совсем свежих, еще сырых, я бы даже сказал, данных, только что закончившегося опроса 2000 промышленных предприятий, который компания GFK, «ГФК-Русь» по заказу Высшей школы экономики провела в период с мая по октябрь 2014 года. Опрос проводился по стратифицированной и более-менее репрезентативной выборке по обрабатывающей промышленности, по предприятиям без «микро», то есть с численностью занятых выше 10 человек. Хотя, безусловно, там есть смещение, но я не готов сейчас говорить о репрезентативности этой выборки, поскольку, я еще раз повторяю, данные только-только получены. Но, тем не менее, там представлены все основные отрасли, просто здесь на слайде они агрегированы для простоты, и достаточно хорошо представлены разные размерные группы. Это большой вопросник, и про санкции там всего-то два маленьких вопроса. И все, что я буду говорить дальше, грубо говоря, будет построено на этих двух вопросах.

Прежде всего по этим данным что мы видим про зависимость предприятий обрабатывающей промышленности от глобального внешнего мира? На самом деле, если мы будем смотреть на предприятия более или менее крупного размера, а у нас основная доля продукции производится на предприятиях отнюдь не малых в обрабатывающих отраслях, то мы увидим, что там очень много, и экспортирующих компаний, и импортирующих компаний - импортирующих как сырье, так и оборудование. Скажем, в группе крупных компаний, с численностью занятых более 500 человек, больше половины импортируют оборудование. Достаточно много компаний, которые имеют стратегические альянсы и стратегические партнерства с иностранными компаниями. И даже, как ни странно, где-то 12–13% делают проводки через иностранные банки, в том числе работающие в России, либо имеют там счета, либо получают там кредиты, то есть, во всяком случае, так или иначе связаны с агентами «вражеской» финансовой системы.

Что касается иностранных компаний, имеющих иностранного собственника, то здесь, конечно, оценки надо делать более осторожно. Их немного. И доля их по сравнению с нашими опросами прошлого года, если и выросла, то незначительно. Но это очень крупные компании, как правило, гораздо крупнее своих российских аналогов. Так что при том, что их не очень много, больше 10% (примерно 15% занятых) в промышленности работают в этих компаниях. По выручке считать сложнее, пока не считал, там есть проблемы с данными, но думаю, что производительность там у них традиционно существенно выше, значит, доля таких компаний в выпуске будет где-нибудь 20–25% как минимум. То есть четверть всей промышленной продукции производят фирмы с иностранным участием. Дальше мы должны вспомнить, что иностранные – это Кипр, это Нидерланды, другие офшоры: их примерно половина.

Итак, кому санкции не страшны? Вот мы спрашиваем: «Видите ли вы для себя какие-то риски?» Половина предприятий сказали: никаких рисков нет, не видим мы их. Примерно половина. Но, правда, как видно из картинки, чем крупнее предприятие, тем реже оно не видит рисков. Чем более открыта для глобальной конкуренции отрасль, тем меньше там доля предприятий, которые считают, что санкции – это, скажем так, не плохо. И не хорошо, может быть, но во всяком случае не видят рисков.

Чаще всего не видят рисков фирмы, которые вообще по ряду причин не конкурируют, говорят, что у них нет конкурентов в других странах. Либо нет конкурентов (это редко), либо конкуренты исключительно региональные, либо российские.

Вот еще один график, который показывает, что чем выше самооценка технологического уровня компании, тем, как ни парадоксально, больше рисков видит фирма в санкциях. Казалось бы, если у вас плохое технологическое положение, для вас санкции с их запретом на поставки технологий, должны быть более серьезным вызовом. Ничего подобного, все наоборот.

Кому не все равно? Тем, кто инвестирует. Тем, кто импортирует оборудование. Тем, кто занимается инновациями. Тем, кто экспортирует. И фирмам с иностранным участием.

У меня время кончается, поэтому я ускоряюсь.

Что больше всего волнует, кого рода риски больше всего волнуют тех, кого они вообще волнуют? Проблемы импорта сырья, материалов и оборудования. Риски, связанные с колебаниями валютного курса. Обращаю внимание, вопрос про валютный курс задавался тогда, когда, в общем, еще не было этого всего последнего, что случилось с курсом, все еще было более-менее стабильно. И, наконец, все очень боятся встречных дополнительных торговых барьеров.

Я на самом деле вынужден заканчивать. Я бы готов был обсуждать плюсы и минусы санкций, если бы не одно «но»: независимо от того, какой ущерб конкретные санкции наносят экономике, они точно наносят ущерб инвестициям. Это явный сигнал инвесторам, как российским, так и особенно зарубежным: не суйтесь вы туда, а иначе может быть плохо. А они и так, в общем, не сильно рвались в последние-то годы. Хотя инвестиции продолжали расти. И боюсь, что этот сигнал будет услышан, причем услышан не только иностранными инвесторами. А, как видно на этом длинном графике с 1991 года, инвестиции – это тот показатель, по которому мы никак не можем вылезти из ямы.

Последнее. Основная опасность от санкций исходит не извне. Основная опасность санкций, на мой взгляд, здесь, внутри, в России. Именно в свете той дискуссии, того дискурса, о котором я говорил. Санкции дают повод и оружие в руки людей, которые говорят: «Все сделаем сами, никто нам не нужен».

Итак, жду вопросов.

Клепач. Учитывая мое опоздание, могу оказаться тут в ситуации «я Пастернака не читал, но...» Но, тем не менее, часть я слышал.

Кузнецов. Да ты и так знаешь, что я могу сказать.

Клепач. Но все-таки два вопроса. Хотя, Борис, Вы сказали, что в долгосрочном плане, если санкции долгосрочные, позитива не будет, тем не менее, какие именно долгосрочные изменения в российской экономике, помимо угрозы автаркии, все-таки могут произойти?

И второй вопрос, более частный. Я этот момент пропустил, но, как мне сказали... Ваша оценка потерь от санкций, я так понимаю, Вы приводили Минфин, 5–6 миллиардов применительно к 2014 году. Это что, о чем?

Кузнецов. Это Минфин сказал.

Клепач. Это общая сумма потерь от санкций?

Кузнецов. Это Минфин так оценил.

Клепач. А у Вас какая оценка?

Кузнецов. У меня своей оценки нет.

Буклемишев. Коллеги, пока Борис Викторович сейчас соберется с мыслями и сформулирует свои ответы, я хочу напомнить про задавание вопросов в этот раз сегодня в письменной форме в виде записок. Просьба передавать их в первый ряд, а потом мы их соберем и попытаемся сагрегировать и озвучить.

Кузнецов. Я начну со второго вопроса. Потому что (этого Андрей Николаевич не слышал) я не претендую на чужой кусок хлеба. Я не занимаюсь макровещами и не оцениваю ущерб. Моя позиция состоит в следующем. Есть ущерб, который оценили эксперты Евросоюза, в 100 с чем-то миллиардов, за 2014–2015 годы. Есть оценка Минфина России – 6–7 миллиардов в 2014 году. Это из того, что я нашел. Но моя позиция состоит в том, что считать это бессмысленно и не нужно, потому что вопрос не в том, 20 миллиардов, 30, 40 или 100. Даже 100 нас не убьют. Проблема не в этих 100.

Это как бы ответ на второй вопрос.

Что касается долгосрочных изменений. Скажем так, два сценария. Санкции остаются в том виде, в котором они сейчас существуют, то есть не происходит эскалации санкций. Ну, с Джексоном – Вэником сколько мы там жили...

Клепач. Но это не санкции.

Кузнецов. Тогда скорее всего экономика - по-разному разные отрасли - но большинство отраслей адаптируются, так или иначе, к новой ситуации. Заместят дешевые западные кредиты более дорогими внутренними потихонечку с помощью поддержки государства. И пострадают в основном те отрасли, которые попали под секторальные санкции. Ничего особенно страшного не произойдет, если не произойдет смены внутренней экономической политики. Если она произойдет, то мы все знаем, что будет. Это нормальная ситуация 70-х – 80-х годов прошлого века с той лишь разницей, что нет СЭВовского блока, что Советский Союз все-таки был побольше размером, чем Россия, и скорее всего печальные результаты автаркичного развития и замыкания в собственной скорлупе просто наступят несколько раньше.

Буклемишев. Хорошо. Спасибо большое. Теперь у нас второе выступление. Тоже 20 минут. Пожалуйста, Андрей Николаевич.

Клепач. Я думаю, что поменьше. Лучше будем отвечать на вопросы.

С одной стороны, я сразу дам ответ, а потом попытаюсь его обосновать. Я считаю, что в среднесрочном, а тем более в долгосрочном плане санкции могут дать позитив для российской экономики. Весь вопрос – как мы эти возможности используем.

Если говорить об основных каналах воздействия санкций, то, что большинство экспертов и сейчас рассматривают, то первый канал, который наиболее зримо сказался уже в этом году, будет значимым и в следующем, – это существенное ухудшение доступа к рынкам капитала, что проявилось в резком росте чистого оттока капитала и сужении возможностей для рефинансирования, как для корпораций, так и в первую очередь для банковского сектора, он еще более чувствителен к этому. Это первый как бы канал.

Второй канал – это некоторое сдерживание или ограничение для нашего экспорта. В явном виде это пока не проявилось, хотя обсуждались как возможная следующая волна санкций против нас – это определенные ограничения на наши поставки на европейские рынки целого ряда товаров, начиная от энергоносителей, кончая еще достаточно значимыми группами. То есть у нас в Европу идет достаточно большой экспорт металлов, и есть квоты, по которым мы их поставляем, экспорт удобрений и вообще химической продукции, химической промышленности. И в качестве экзотики, точнее, наиболее чувствительного для европейцев и для нас товара, естественно, возможные санкции на икру, водку, что, если кто помнит, вводилось и в 1983 году, после того, как мы сбили корейский «Боинг». Но такого рода санкции не были введены, тем не менее, эта угроза существует. Но общая политика, которая проводилась и до этого, и сейчас, она направлена, так или иначе, на сдерживание объемов наших поставок углеводородов и, соответственно, нашей доли на европейском рынке.

Третий аспект, который здесь можно выделить, который тоже на самом деле очень значимый, – это определенные ограничения на расчеты, которые были введены. Они касаются списка ряда предприятий оборонного комплекса, крупных банков, тех лиц и компаний, которые они контролируют, кто попал тоже в известный список. На самом деле, хотя макроэкономический эффект этого оценить трудно и он, в общем-то, вряд ли

имеет сейчас большие размеры, но транзакционные издержки и проблемы для наших банков и компаний это создает. Имеются в виду ограничения на расчеты даже за поставляемую продукцию военно-технического назначения, просто на переводы и расчеты в валюте, потому что все эти расчеты идут через американские банки, счета в них, соответственно, идет отслеживание и контроль, попадают ли платежи в те предприятия и банки, которые попали под санкции, каковы сроки этих платежей.

Причем это затрагивает не обязательно какие-то операции за рубежом. Условно говоря, сделка между Сбербанком и его «дочкой» на Украине или в Белоруссии, как и сделка, соответственно, любого другого банка, попавшего под санкции, она в этом смысле проходит через корсчета в США, если это валютная сделка, и попадает под такого рода ограничения. Отсюда, в общем, это существенное ограничение для тех операций, которые проводят наши банки и компании. То есть, по сути дела, вопрос даже не в увеличении сроков, а в том, что от ряда сделок, от ряда операций приходится отказываться.

Угрозы отключить SWIFT, точнее, от SWIFT, что было реализовано в свое время для Ирана, – это пока не сделано. Надеюсь и думаю, все-таки сделано не будет. Но надо понимать, что, конечно, это существенно может выбросить нашу банковскую систему из международной системы расчетов. Хотя, опять же, платежи можно проводить, пользоваться телексом там, где он остался за рубежом, у нас тоже еще кое-где есть. Но, так или иначе, возвращаться к более древним, архаичным формам расчетов.

Четвертый блок санкций, который здесь значим, – это вопрос действительно технологических и секторальных ограничений, который ведет не только к сворачиванию инвестиций, но и действительно к эскалации запретов на поставки к нам современной техники, те точечные секторальные запреты, которые касались, естественно, проектов, связанных с арктическим шельфом, вязкими нефтями. Причем грань здесь достаточно условная, в том смысле, что фактически под эти санкции может попадать оборудование, которое используется для горизонтального бурения на действующих месторождениях в Западной Сибири, а не только месторождения, связанные с вязкой нефтью, где мы пока и так особо ничего не добываем.

Поэтому технологические проблемы и риски здесь возникают. Степень технологической зависимости, она у нас просто грандиозна. Причем она намного больше, чем это следует из общих цифр, что мы покупаем на 100 с лишним миллиардов долларов в год машин и оборудования. Например, наша нефтянка, хотя под санкциями находятся только, как я уже сказал, шельфовые работы и работы на вязких нефтях, но фактически можно распространить этот список (вопрос имплементации и трактовки) даже на все оборудование, связанное с горизонтальным бурением. А это значительная часть даже месторождений Западной Сибири, которые находятся на падающей добыче.

Во-вторых, обслуживание месторождений. У нас за исключением Сургутнефтегаза практически все обслуживание сосредоточено в американских фирмах или ведется американскими фирмами, но в значительной мере российским персоналом. Поэтому часть специалистов должна была уехать, свернуть свою работу здесь. Тем не менее, это создает серьезные риски для самой эксплуатации уже действующего состава скважин и проведения разведывательных работ. И отсюда компании вынуждены форсировано предпринимать меры для повышения своей самостоятельности.

Катализаторы. Несмотря на то, что у нас неплохая школа катализаторов была в советское время, да и сейчас еще осталась, практически 80% с лишним катализаторов, которые стоят на нефтеперерабатывающих предприятиях, почти 100% на автомобилях – это импорт. В этом смысле, если прекращается поставка запчастей, то с точностью от полугода до года это оборудование останавливается. Я здесь никого не хочу пугать страшилками, но просто надо понимать, что масштаб нашей технологической зависимости, он очень большой.

Продовольствие. С одной стороны, мы за эти годы достигли очень приличного уровня самообеспеченности. Допустим, по птице у нас, если я правильно помню, импорт

сейчас меньше 20%. А после того, как мы закрыли импорт из Евросоюза и из Соединенных Штатов, можем считать, что это 10%. Тем не менее, 80% племенного поголовья птицы – это импорт. То есть, если он прекращается, соответственно, через год производство птицы обваливается до непонятно каких размеров, потому что за один год это сложно возобновить. Точно так же, 80% – все племенное поголовье свиней. Примерно 80% семян под сахарную свеклу, которую мы выращиваем. Отечественное производство сахара практически существенно заместило импорт, процентов 80. Импорт нужен, он идет сезон, но 80% семян – это импорт. По подсолнечнику... В общем, по многим другим позициям мы очень сильно сидим именно на импортной зависимости. Но это не означает, что кто-то нам это враз прекратит, потому что себе дороже – раз; во-вторых, это прямая экономическая война. То есть это вообще уже не вопрос санкций, это вопрос другого режима и вопрос экономической войны.

Но, по сути дела, санкции действительно привели нас в чувство, и многие не только государственные структуры, но и сам бизнес, потому что он понял, что настолько плотно «сидит на игле», что с этим что-то надо делать. На мой взгляд, если не брать выступления некоторых депутатов, никто не то что про автаркию ничего не говорит, про это даже и не думают, а вот как хоть где-то повысить свою технологическую самостоятельность, хотя бы до каких-то минимальных пределов, там, до половины или около того... Причем это осознание, оно у всех, я так понимаю, появилось достаточно прочно в голове. Проблема только в том, что это процесс длительный. Если брать по той же птице, свинине, это 5–7 лет, чтобы фактически сформировать необходимое племенное поголовье. Ну, может быть, по птице поменьше, до 3 лет. Это достаточно серьезная работа, инвестиции и просто работа специалистов.

Если говорить о технологиях, то есть разные оценки. По многим критическим направлениям это все-таки 2–3 года. Опять же, если всерьез этим всем начинать заниматься. Но определенные подвижки есть. И не только в части двойных технологий, но я специально приводил примеры из гражданских отраслей – нефтехимия, газодобыча... И здесь определенное обсуждение и выстраивание планов, оно начинается. Надеюсь, что и планы сформируются, и, главное, сформируются конкретные действия.

Если даже не возвращаться к макроэкономическим оценкам, а скорее, может быть, перейти к более общему вопросу... Потому что выделить эффект чисто санкций от всего остального очень сложно, если вообще это имеет смысл. Понятно, что это оказало существенное и значимое влияние на ситуацию. То есть, я бы так сказал, не только санкции, а сам геополитический конфликт. Потому что одно дело – прямой эффект санкций как некоторых организованных действий, еще не менее существенный прямой эффект антисанкций... Тут есть разные оценки, сколько-то добавило процентных пунктов инфляцию, 2% с лишним, до 4%... Но посчитать можно, есть целый ряд расчетов – и официальных, и экспертных. Но на самом деле исходная проблема заключалась в том, что сам по себе геополитический конфликт и тот кризис доверия, который есть между нами, Украиной, где у нас есть тоже по ряду точечных вещей существенная взаимозависимость, в том числе и зависимость нас от них, и в целом с Западом она начинала оказывать негативное влияние еще до того, как санкции приобрели значимое влияние.

Если кто помнит, официальный прогноз по оттоку капитала на 2014 год, если я правильно помню, был порядка 40–50 миллиардов. Причем он был занижен, то есть реально мы считали, что он будет выше. По факту мы, я думаю, получим, порядка 110, может быть, 120 миллиардов по этому году. Фактически эта дельта в 60–70 миллиардов только по линии оттока капитала – это эффект как геополитического конфликта, так и собственно санкций, которые потом были реализованы.

Очевидно, что картина на последующие годы, то есть на 2015 год, тоже будет связана со значительным оттоком капитала. Есть разные оценки, от 70 до 100 миллиардов долларов, хотя до этого предполагалось, что при нормальных условиях отток капитала может резко снизиться до 20–30 миллиардов. То есть тоже, по сути дела, 50–70

миллиардов из экономики уйдут. Помимо давления на курс рубля со всеми вытекающими инфляционными и прочими последствиями это, естественно, прямой вычет из тех ресурсов, которые могли быть инвестированы в экономику.

Дальше следующая развилка – это, естественно, вопрос: а насколько долго это все? Базовый прогноз исходил из того, что все-таки мы какой-то компромисс найдем, диалог восстановится, и санкции к концу лета 2015 года будут отменены. Наряду с этим в официальных документах (это сентябрьский прогноз, точнее, корректировка основных направлений денежно-кредитной политики, с которыми вышел Центральный банк), рассматривается и вариант сохранения санкций на более длительное время, то есть они не отменяются. Правительство с официальным прогнозом не выходило, хотя такого рода прогнозы были сделаны, но поскольку они не публичные, я их комментировать не могу. Но исхожу из того, что наиболее реалистичный сценарий – это сохранений санкций либо даже в большем формате, чем сейчас, либо примерно в этом же формате, как минимум до 2017 года.

Хотя, опять же, можно привыкнуть ко всему и научиться жить с чем угодно. И даже те 70-е – 80-е годы, которые вспоминал Борис Викторович, – это годы, когда советская экономика, вообще говоря, развивалась, особенно если взять 80-е годы. То есть там было всё: был и умеренный рос, была и стагнация, если кто помнит 79-й – 80-й годы, было даже ускорение. Но потом уже конец 80-х – многообразное количество факторов, когда экономика начала буксовать и тоже опять вползла в стагнацию. Еще до проведения всех известных реформ, ну и развала государства.

Поэтому, так или иначе, при санкциях может быть все. Может быть стагнация, в которую мы и так вползли сейчас, и вползем как минимум весь следующий год, она может продолжиться даже, если брать прогноз Центрального банка, и в 2016 году. По сути дела, при том, как сейчас все складывается, это наиболее вероятный сценарий. И это либо стагнация, либо, я думаю, с большей вероятностью падение ВВП как в силу санкционных эффектов, так и в силу снижения цен на нефть, хотя я думаю, что они отскочат, весь вопрос – когда и на сколько. Поэтому наиболее вероятным, я думаю, будет снижение ВВП на следующий год, не нулевая динамика. Весь вопрос тоже в том, будет это минус 0,2–0,3% или при определенных условиях это может быть и большее падение ВВП.

Но, тем не менее, окно возможностей, для того чтобы расти в эти условиях, оно есть. И это связано не только с вопросами импортозамещения, но, на мой взгляд, оно связано с тем, что нам, по сути дела, проводить ту экономическую политику, которую мы проводили все предыдущие годы, и без санкций, на самом деле и в условиях санкций уже не получится.

Наша экономическая модель развития все-таки строилась на том, что мы имеем достаточно благоприятную ситуацию с ценами на нефть. В принципе, цена на нефть 80–90 – это нормальная цена. Я думаю, к 90–100 она отскочит. Но важно то, что она будет стабильная, она не будет расти. Все 2000-е годы, если не брать кризисный провал на несколько месяцев, ну, на полгода, мы жили в условиях растущих цен на нефть и растущих объемов экспорта нефти и нефтепродуктов. Сейчас мы скорее придем к ситуации, когда у нас после всех пертурбаций цена на нефть будет более или менее стабильна, и наращивать объемы экспорта мы не сможем, ни нефти, ни нефтепродуктов, как, по-видимому, и газа, с учетом размена между Европой и Востоком.

Во-вторых, наша модель строилась на доступе к мировым финансовым рынкам. Так или иначе, на ближайшие два, а то и три, года он будет либо закрыт для части банковской системы, а они ключевые игроки нашей банковской системы, либо сильно ограничены. Потому что переориентироваться на азиатские рынки непросто, и это требует времени, своих издержек, хотя частично, я думаю, это произойдет. Правда, там тоже все боятся санкций, даже те страны, которые не участвуют в санкциях против России.

И в этом плане не вопрос автаркии, а я бы сказал иначе: у нас есть неизбежность в том, что мы будем вынуждены формировать другую экономическую политику. Весь

вопрос: это будет политика, связанная все-таки с тем, что мы лежим и просто адаптируемся, со временем можно адаптироваться к чему угодно, либо мы сможем создать такую модель экономической политики, которая обеспечивает развитие. Помимо решения вопросов, связанных с импортозамещением, причем особенно технологичным импортозамещением, где нужна серьезная и организационная деятельность государства, и финансовая поддержка, и мобилизация ресурсов компаний, и той же Роснефти, и других. Это вопрос перестройки бюджетной политики, потому что вписаться в бюджетные правила с нашими реформами и без санкций было невозможно, а с условием санкций – тем более. Либо мы должны их остановить и переходить, по сути дела, во многом на платную медицину и платное образование, либо находить компромисс, все-таки идти на бюджетные дефициты и находить ресурсы внутри страны и за рубежом, для того чтобы финансировать его.

То же самое касается валютной политики. Было много споров, но, к сожалению, мы не пошли на то, чтобы создать такой девальвационный запас или заниженного курса рубля, который позволил бы нам амортизировать те шоки, с которыми мы сейчас столкнулись. Я думаю, что из этого урока будут сделаны выводы. Хотя из предыдущего, я так понимаю, мы никаких выводов не сделали, но, я думаю, из нынешней ситуации придется делать. Мы перешли к плавающему курсу, но плавать можно по-разному. Вот как плавать – эту модель еще во многом надо выработать.

Спасибо.

Ведущий. Коллеги, если кто-то хочет задать вопросы, передавайте ваши записки на первый ряд. Потому что пока, к сожалению, я не вижу этих записок. Борис Викторович, Ваши вопросы.

Кузнецов. Андрей Николаевич, если я правильно понял, то Ваш тезис о пользе санкций состоит в том, что они заставили нас осознать свою зависимость (технологическую и прочую), а осознать проблему – наверное, это уже частично ее решить.

Мой первый вопрос. Считаете ли Вы, что снижение зависимости, технологической зависимости, о которой справедливо говорилось, будет происходить без участия иностранных компаний? Я имею в виду: что, будем снижать зависимость прямо начиная от фундаментальных исследований до производства? Или купим патенты и будем там что-нибудь производить (если продадут, конечно)? То есть предполагает ли новая стратегия импортозамещения хоть какое-то участие лиц нероссийского гражданства и компаний вне российской юрисдикции в этом процессе?

Сразу второй. И сколько, по-вашему, времени потребуется в том сценарии, который Вы считаете наиболее вероятным для решения проблемы технологической зависимости? Сколько времени это потребует, чтобы от этой зависимости избавиться?

Клепач. Я уже отчасти на этот вопрос ответил. Понятно, что и компании, и все рассчитывают на то, что сотрудничество с западными компаниями, в том числе и в технологической сфере, сохранится. Оно и сейчас сохраняется по действующим проектам. Ищутся пути, как его продолжить там, где сейчас это нормально делать нельзя. Если не говорить о технологических поставках, тем более в чувствительных секторах, несмотря на санкции, мы от виски не отказались, от коньяка не отказались. Поэтому, несмотря на водку, я надеюсь, виски пить продолжим. Так и здесь.

Если говорить о сроках, опять же, они очень разные. Я уже сказал, что по ряду направлений животноводства, на мой взгляд, это 5–6 лет. В нефтехимии, в ряде секторов, связанных с электроникой, элементно-компонентной базой, в течение трех лет можно действительно целый ряд проблем решить. Хотя есть вопросы, которые мы никогда не заместим. Допустим, считается, такие цифры даже приводились но не буду их комментировать. Условно говоря, есть определенный расклад, какую часть электроники, которую мы импортируем, мы можем заместить в части украинской, и то там есть проблемы, какая часть западная, а какую, в общем-то, мы скорее всего заместить никогда

не сможем, соответственно, надо искать другие пути решения. Но по многим позициям в течение трех лет это возможно.

Ведущий. Хорошо, коллеги, спасибо. Мы переходим теперь к вопросам. Пока у меня сейчас пять записок, я их озвучу, и, соответственно, докладчики после этого ответят.

Первые два вопроса, я бы сказал, такого технологического свойства. Первый самый простой, видимо, обоим докладчикам: «Что нам мешает развивать собственные технологии? Например, в бурении». Немножко из этой же серии, хотя и не про бурение: «Можно ли говорить о наличии или отсутствии импортозависимости или самостоятельности в сфере управленческих и образовательных технологий? Каковы масштабы и степень влияния в краткосрочной или в средней и долгосрочной перспективе данного фактора в условиях санкций и импортозамещения? И что делается или должно делаться в этой сфере?»

Еще два вопроса по поводу антисанкций. «Если в марте будущего года ЕС не отменит санкции, будет ли Россия вводить новые ответные санкции для ЕС? Или это только сильнее вгонит нашу экономику в упадок?» Близкий вопрос: «Стоило ли вводить антисанкции, ударившие по большинству россиян, в ответ на запрет въезда в ЕС и США нескольких чиновников? Почему такие странные цифры официальной инфляции? Мой собственный поход в магазин оценивает ее в 20–25%».

Ну и последний пятый вопрос, я бы сказал, философского свойства: «Чем плохо снижение уровня рыночности? Рынок неэффективен, как показал опыт всего мира».

Коллеги, пожалуйста. Кто первый готов начать реагировать?

Клепач. Боря пусть начнет, я потом.

Кузнецов. Ну пожалуйста... «Что нам мешает бурить?» Да, в общем, на самом деле все то же самое, что мешает летать, бегать, плавать. Это долгий сложный процесс, там масса своих заморочек... Я хочу просто объяснить, что ни одна страна мира не производит сложное оборудование от и до сама. Даже если проект чей-то, то компоненты для него производятся в разных странах, материалы, спецметаллы и т. д. производятся в других странах. Мы долгое время в советские времена в основном пытались жить по полной цепочке. Я люблю приводить этот пример, что если даже у вас на 0,01% деталь менее надежна, чем за рубежом, то если деталей 1000 в этом изделии, то по теории вероятности это изделие уже становится существенно хуже по надежности.

Никто не накладывал санкции на образовательные и управленческие технологии. И я думаю, что никто и не будет. Ну, я не знаю, как можно вообще это сделать, может быть, я что-то здесь не знаю и не понимаю. Как можно, например, запретить читать в России книги по менеджменту или какие-то учебники. Поэтому, наверное, Андрей Николаевич лучше ответит на этот вопрос.

«Введет ли Россия контрсанкции, если они...» Минуточку, не введут новые, а просто не отменяют старые. Готов прогнозировать все, что угодно, хотите – конец света, но поведение российского государства прогнозировать отказываюсь. Введут, не введут и чего введут – не знаю. Я думаю, что этого не знает пока никто.

Рынок, доказавший свою неэффективность во всем мире... У меня нет особых комментариев, потому что я знаю только полторы страны, где не рынок: это Чучхе, но я там не был, наверное, там хорошо, и это Куба, где я был...

Клепач. Там тоже хорошо. Ты говорил, хорошо.

Муж. Там тепло.

Кузнецов. Местами хорошо.

Клепач. И женщины красивые, и ром...

Ведущий. Коллеги, давайте мы дискуссию потом сделаем, хорошо?

Кузнецов. Я ответил как сумел.

Клепач. Борис Викторович меня подбивает на какие-нибудь шуточные вещи. Ну ладно...

Кузнецов. Нет, ты серьезно, серьезно.

Клепач. Я постараюсь быть серьезным.

Опять же, на мой взгляд, ни о какой автаркии речь не идет. То есть мы продолжаем там, где с нами работают, работать и с европейскими, и с американскими партнерами. И более того, надо искать просто новые ходы, новые возможности, чтобы это сотрудничество продолжать. Но при этом есть скорее другой вопрос – это действительно переориентация на партнеров в странах как бы более стабильных, стабильных с точки зрения партнерства и сотрудничества с нами. Отсюда идет поиск переноса заказов, допустим, в той же электронике, в Малайзию, в Китай, где и так достаточно много что заказывалось, включая даже для оборонки, с тем чтобы то, что мы не можем сделать сами или не можем сделать с таким качеством и ценой, размещать эти заказы там, а не в европейских странах, которые прибегли к санкциям.

Опять же, на мой взгляд, есть утрирование... Вопрос о том, что мы готовы от чего-либо отказаться. Поверьте мне, все компании, кого я знаю, и все проекты – все, так или иначе, завязаны и на сохранение технологического сотрудничества, и, более того, завязаны в том числе и на экспортные проекты и в Европу, и на азиатские рынки. Хотя, как я уже сказал, подходы и переконфигурация направления, она здесь будет неизбежна.

Вопрос бурения. Я бы вообще не говорил о том, почему мы что-то можем или что-то не можем. Мы можем, так или иначе, достаточно многое. Просто это разные модели, которые выбирали компании, ну и в каком-то смысле выбирала страна. Поскольку у нашего государства долгие годы в этом смысле не было приоритета технологической какой-то самостоятельности - во многих секторах, кроме оборонки, применительно к той же нефтяной отрасли, то никаких усилий ни со стороны государства здесь не было, никаких обязательств компаний, когда они приватизировались, ни даже когда они являлись государственными. По сути дела, государство на их технологическую политику не влияло. Определенный поворот начался где-то с 2011 года, когда государство перед компаниями, которые оно контролирует, такими, как Газпром, Роснефть, целый ряд других, поставило задачу, что они вырабатывают так называемые программы инновационного развития, где прописывают, какие технологические проекты они развивают, сколько денег и в какой форме собираются тратить на НИОКР, как будут сотрудничать с университетами и где-то привлекать даже малый бизнес. Эти программы были разработаны, они реализуются, мониторятся. Другое дело, что, как и большинство наших программ, реализуются где-то по остаточному принципу. Серьезной озабоченности и спроса за это не было. Хотя проводились совещания на достаточно высоком уровне. Было несколько попыток разработать программы по развитию отечественного оборудования для нефтегазовой отрасли, но их даже не приняли.

Сейчас ситуация заключается не в том, что нужно отказаться от услуг Halliburton или вообще прекратить импорт. Он сохраняется, и сотрудничество сохраняется. Но это означает, что нам надо по ряду направлений иметь свой собственный технологический задел и поддерживать те работы, которые у нас когда-то велись, с тем чтобы не быть стопроцентно зависимыми. То есть иметь не одну ногу, а две. Тем более что мы знаем много примеров, когда вводятся прямые запреты, прямые ограничения, и это порождает цепочку того, что мы проекты должны свернуть или остановить, отложить во времени, в том числе и проекты, связанные с шельфом. Есть масса вещей и более чувствительных для человека. Медицинское оборудование нам поставляют, но если мы прекращаем производство (а мы его почти прекратили) отечественных рентгеновских аппаратов, то в случае необходимости мы останемся просто без обследований и без всего этого.

Можно сколько угодно честить и вспоминать наш авиапром, но у нас есть сейчас уже прецеденты, и все это может закончиться тем, что нам просто перестанут поставлять запчасти. Но, надеюсь, до этого не дойдет, хотя отдельные примеры есть. И тогда на чем мы собираемся летать? Или, точнее, сколько лет еще мы пролетаем, используя б/у-шные запчасти и ту технику, которая у нас сейчас есть? Потому что у нас весь авиационный

парк, за исключением 20 ТУ-204, примерно 15 «Суперджетов» и 148-х, он импортный. Поэтому, опять же, это не вопрос, чтобы их заместить. Мы тут не могли решить задачу до этого хоть что-то свое продать и на нем летать в России, но иметь хоть какую-то точку опоры – это необходимо. И, надеюсь, здесь определенный поворот происходит или начался, во всяком случае начнется в ближайшее время.

Если говорить о каких-то антисанкциях, сейчас их нет. Оттого, что кто-то что-то не отменит (по-моему, никто особо сейчас не ожидает, что санкции отменят), не думаю, что мы будем вводить что-то свое. Но если последует новая волна санкций, затрагивающая, как я уже сказал, темы, которые обсуждались реально с той стороны и могут быть крайне чувствительны для нас. И это не вопрос, что кто-то из ближайшего окружения президента или он сам... Санкции не против них направлены, хотя направлены и против ближайшего окружения президента. Так или иначе, санкции и в том виде, как они введены, уже нанесли и будут наносить существенный негативный эффект для всей экономики в целом и для всего общества. Собственно говоря, на это они всегда и рассчитывались, с тем чтобы создать в обществе недовольство и заставить либо власть измениться, либо общество изменить власть, вплоть до ее смены. В этом смысле никто особо секрета из этого не делает.

Поэтому будут ли дополнительные ответные меры с нашей стороны – будет зависеть от того, будут ли дополнительные меры с западной стороны. В случае их значимого введения не исключаю, что какие-то меры последуют и с нашей стороны, хотя особых... То есть навредить мы можем, но масштабно ответить вряд ли получится.

Яковлев. Я перехожу ко второму траншу вопросов. Я разделил их на три части, честно вам скажу. Первую часть я просто отвергаю, по той простой причине, что они касаются плавления валютного курса, это мы обсуждали в прошлом месяце, и прекращению участия России в украинском конфликте. Я тоже считаю, что этот вопрос к сегодняшнему обсуждению не совсем относится.

И осталось еще две категории вопросов. Есть вопрос Андрею Николаевичу: «Андрей Николаевич, где прячутся меры по импортозамещению, финансовые? Госпрограммы не изменены, минпромторговская только военная часть, технологическая госпрограмма развития, внедренческая часть мизерная, ФОНО(?) план не составил». Понятно. Вопрос Юдиной Татьяны Николаевны: «Какой процент технической зависимости России в целом?» Это вопрос к обоим докладчикам. И еще один вопрос Андрею Николаевичу: «По Вашему мнению, какой тип экономической политики более вероятен сегодня: это политика адаптации к происходящему или формирование новой политики развития с изменением бюджетных правил и целевых ориентиров Центрального банка по инфляции?» Татьяна Анатольевна Агапова, профессор экономического факультета МГУ.

Ну и наконец, самые серьезные вопросы, хотя они не подписаны, они присланы на бланках. Один прислан на сбербанковском, а второй – на вэтэбэшном. Поэтому я считаю это вопросами от банков. Сбербанк спрашивает: «Андрей Николаевич, чтобы оценить на конкретном примере, мы создали свою замену GPS...» Вот Сбербанк знает всё. «Как Вы оцениваете соотношение положительного эффекта к расходам?» И второй подвопрос: «Можете ли Вы назвать уже реализованный проект, снижающий внешнюю зависимость, где эффект, как очевидно, перекрывает затраты?» Это Сбер. У ВТБ более короткий вопрос: «Каковы, на ваш взгляд, потенциальные внутренние источники, призванные снизить отрицательное влияние стагнации?»

Буклемишев. Я добавлю еще два вопроса, здесь пришла еще одна записка. «В связи с санкциями со стороны Запада резко активизируется сотрудничество с Азией, в частности с Китаем. В этой связи насколько и в чем сотрудничество с Китаем может заместить сократившиеся связи с Западной Европой? И насколько рост зависимости от Китая опасен для России и, вообще говоря, опаснее, чем зависимость от Европы и США?»

И на самом деле воспользуюсь своими возможностями, вопрос от меня самого. То, что было сказано про окно возможностей. Безусловно, снижение зависимости в самых разных сферах предполагает наличие инвестиций и прежде всего частных инвестиций. В моем понимании, неопределенность и непрогнозируемость нашей собственной политики является главным барьером для этих инвестиций. Так вот можно ли ожидать изменений в этой сфере с неопределенностью импортозамещающей политики? И если да, то кто способен это сделать?

Яковлев. Андрей Николаевич сейчас первый, наверное. Сбербанку и ВТБ ответите? GPS и финансовые источники.

Клепач. Насчет общего индекса технологической зависимости не знаю, такого нет. Хотя я примеры по отдельным ключевым сегментам приводил, и есть, в принципе, достаточно развернутый анализ. И на уровне отраслевых групп ряд примеров здесь Борис Викторович приводил, и есть более детальный технологический анализ, который тоже осуществлялся.

Насчет примеров успешных... Понимаете, аналогом GPS, как известно, является ГЛОНАСС. Как в военной части, мы не можем наводить ракеты и самолеты по GPS. Тем более, у нас есть прецеденты, когда просто вводится искажающий параметр, в том числе это происходило во время конфликта с Грузией. Проблема в том, что степень покрытия или использования отечественной навигационной системы на порядок меньше, чем GPS. Хотя с точки зрения космических возможностей они сейчас применительно к России сопоставимы. У нас сильно отстает наземная база и распространение самих приемных устройств с опцией возможности работы с ГЛОНАСС, а не только GPS. Но процессы... есть определенный набор требований государства и к пассажирскому транспорту, к транспорту, перевозящему химические грузы, есть еще целый ряд требований, который частично эту проблему решает. Поэтому об отдаче сейчас говорить сложно. В целом на ГЛОНАСС потратили... сейчас затрудняюсь сказать сколько, но где-то, наверное, 100 с лишним миллиардов, и еще потратим, если я правильно помню, на второе поколение около 100. Но сейчас оценить их эффект пока рано. Тем более, еще раз говорю, трудно разделить военную и гражданскую составляющие.

Пример более успешный, я считаю, – это на самом деле те меры, которые с 2003 года предпринимались для стимулирования сельскохозяйственного производства. Потому что их мы провели действительно, и создали современное индустриальное производство птицы, и кардинально изменили ситуацию на рынке. Раньше у нас половина приходилось на «ножки Буша» и импорт из Европы. Мы очень сильно изменили ситуацию и по свинине, но при этом не решили эту проблему комплексно, потому что, я уже сказал, племенное, маточное поголовье здесь импортное. Просто это означало, что и тогда надо было не разваливать это все, а начинать предпринимать меры.

Если говорить о тех шагах, которые сейчас предпринимаются, в части сельского хозяйства добавлено 20 миллиардов к той первоначальной программе, которая была утверждена правительством на этот год. И я так понимаю, 20 то ли добавили, то ли еще добавят на следующий год. Часть из этих денег, помимо покрытия накопившихся долгов, она пойдет как раз именно на племенную работу и в том числе на меры, связанные с импортозамещением по овощам закрытого грунта, где у нас импорт 40–50%, что в том числе дает очень большой инфляционный эффект в условиях антисанкций и падения курса рубля. Поэтому определенные шаги здесь предпринимаются.

Есть некоторые меры и доп. финансирование под двойные технологии и оборонку. Эти решения приняты.

Масштабных финансовых вложений на импортозамещение действительно нет. Предполагается, что это будет происходить за счет внутренних ресурсов предприятий и кредитного рычага, который сейчас, как вы знаете, по стоимости идет 11–13%, даже для первоклассных заемщиков. Поэтому проблема здесь есть. Но, я еще раз говорю, определенный набор мер, решений, подготовлен план примерно по номенклатуре в 1000

позиций Минпромторга, который утвержден правительством в графике, того, как определенные критические позиции для оборонки или двойного назначения, когда, и как, и чем это будет замещаться. Поэтому идет перераспределение средств внутри тех программ, которые уже приняты.

Хотя, на мой взгляд, это потребует значительно больших и массивных вложений. И в частности это означает, что придется распечатывать Фонд национального благосостояния. По сути дела, это уже сделано, первый шаг, 40%. Но я думаю, что будут тратить 70% или 80%, по-хорошему, и все. Но надо, чтобы они тратились не просто на поддержку банков или на некоторые проекты, которые, собственно говоря, будут развивать и спасать наш нефтегазовый комплекс, а все-таки чтобы они были действительно реально привязаны к тем приоритетам, которые завязаны на импортозамещение, на технологическое развитие, на решение вот этих вопросов структурной уязвимости. Пока такого решения не принято.

В этом смысле наша политика, она адаптивная, как была, и она достаточно последовательна. То есть неопределенность возникает не этим, не в том, что наша политика не последовательна. Мы как сказали, что будем держаться бюджетного правила, хоть весь мир перевернется, так его и держимся. А в том, что есть противоречия между нашими обещаниями, планами, намерениями и тем, что происходит в жизни. И это создает неопределенность. А мы считаем, что мы как выбрали свой курс, так его и будем реализовывать, ничего не меняя.

Яковлев. Там был еще вопрос про Китай.

Клепач. А, про Китай... Опять же, с Китаем связано столько страхов, что это больше напоминает страхи американцев, когда японцы приходили на американский рынок, а сейчас американские компании тесно кооперируются с японцами. Значительная часть «Боинг-787» изготавливается из комплектующих (и композитное крыло, и другие элементы), которые делает японская фирма «Скайтек».

Поэтому для нас вопрос Китая – это вопрос диверсификации нашего экспорта, наших зависимостей. И в этом смысле мы зависим от Китая на порядок меньше, чем Европа, у которой взаимосвязь торговли, технологических поставок с Китаем на порядок выше, чем у нас. Мы там предпоследние в этом списке. Поэтому скорее у нас вопрос другой: а с чем мы готовы прийти на китайский рынок? И мы можем там закрепиться, мы можем там инвестировать?

Когда-то, мало кто помнит, но мы были одним из крупнейших экспортеров автомобилей в Китае. Мы там начинали сборку, и сейчас там КамАЗы собираются. Но теперь китайский рынок занят не нами, там «Ниву» или «Жигули» никто не собирает. Там собирают всю линейку европейских, японских и американских машин. И мы скоро здесь будем иметь как китайское отечественное производство, так и поставки китайской продукции.

Значительная часть нашего технологического импорта, допустим, в металлургии, который идет от австрийских, итальянских, немецких фирм, – это все собирается и делается в Китае, там только марка немецкая или австрийская. Все последние станы, которые мы вводили, – это все оборудование, поставленное из Китая, вместе с китайскими рабочими, но под нашим российским руководством, ну и с определенным участием.

Поэтому здесь скорее не вопрос, чего бояться, а вопрос – бояться того, что мы не сможем на рынке Китая занять серьезных позиций, как, кстати, и на рынке Индии, и тогда мы будем отставать. То есть в долгосрочном плане мы не сможем выиграть от набирающих силу действительно гигантов мировой экономики.

То же самое, я извиняюсь, касается технологических вещей. Китайцы на самом деле развиваются технологически очень быстро. Если у нас расходы на НИОКР 1,1% ВВП, из них частные компании – вообще 0,2%, то в Китае уже сейчас 1,78%. То есть скоро мы оттуда не только ширпотреб и металлургическое оборудование будем получать,

а в том числе и технологические наработки. И не только в электронике, где мы и так сидим на китайской электронике по самые уши.

Яковлев. И по поводу неопределенности политики все-таки.

Клепач. По неопределенности политики я уже ответил. Она у нас очень определенная, политика. Результаты неопределенные.

Яковлев. Хорошо.

Кузнецов. В основном все вопросы были адресованы непосредственно Андрею Николаевичу, поэтому я на них отвечать не буду. Вопрос, автор которого забыл поставить, что это Андрею Николаевичу: «Какой процент технологической, технической зависимости в России в целом?» Я на него отвечаю так: это бессмысленный вопрос, типа «сколько вешать в граммах?» Сначала вы должны определиться, как вы меряете эту технологическую зависимость, а потом уже говорить об интегральных оценках.

Я могу сказать только так: в большинстве отраслей 80% с лишним нового закупаемого оборудования не российского производства. Парк на большинстве предприятий уже имеет схожие пропорции по составу. Во всяком случае, на тех предприятиях, где я был.

А зависимость посчитать сложно, потому что если мы возьмем производство «Суперджетов», про которое все знает Андрей Николаевич, если это экспортный вариант, то это английская кабина. Иначе вы его не продадите.

Клепач. Кабина наша, но авионика вся французская.

Кузнецов. Под английской кабиной имеется в виду, естественно...

Клепач. Начинка. Французская.

Кузнецов. Условно говоря, для экспортного варианта технологическая зависимость 100%. Для внутреннего пользования поменьше, так сказать...

Клепач. Да она одинаковая.

Кузнецов. Скорее всего импорт и там, и там, но если, условно говоря, для внутреннего рынка мы можем заменить эту авионику на какую-то свою...

Клепач. Не можем!

Кузнецов. Ну, допустим. Но мы ее точно не продадим, она просто не сертифицируется никогда и нигде.

Клепач. Тоже неверно...

Кузнецов. Это тоже проблема. А так, собственно и Андрей говорил, и я говорю, технологическая зависимость очень большая. Но, если вас это утешит, я не знаю ни одной страны, где она была бы меньше. Если вы считаете, что технологической зависимости нет в США, вы ошибаетесь. А уж в Европе, там 80% фирм экспортируют, импортируют, друг другу что-то поставляют... То есть, если разругаются Германия с Францией, мало не покажется ни тем, ни другим.

Всё, наверное.

Буклемишев. Коллеги, мы сейчас переходим к дискуссии. У меня в этой связи, поскольку мы на самом деле уже довольно много времени потратили, просьба следующая. Те, кто хочет высказаться с комментариями, пожалуйста, поднимите руки, чтобы мы просто понимали масштаб явления. Шесть. С учетом шести человек, которые хотят высказаться, я предлагаю ограничиться двумя минутами на каждый комментарий. И давайте начнем с правой стороны и потом будем передавать налево.

Муж2. Вопрос о санкциях вообще меня очень занимал, но я в основном уделял внимание диагностическому изучению этих санкций. То есть наличие этих санкций, вообще говоря, то, что нам объявляют санкции, а не мы объявляем санкции, что в области сельского хозяйства в России, которая, как говорится, имеет столько свободных земель и столько людей, которые не сеют, а пьют, и т. д., это, конечно, диагностически.

И вот у меня возник один вопрос, очень важный и очень серьезный. Сколько лет может существовать страна, в которой существуют три явления? Первое – основной доход, главный доход получается за счет присвоения скрытой части ресурсной ренты.

Второе. Второй уровень дохода, второй пассивный доход – это обслуживание и сохранение жизни глобального финансового пузыря в виде казначейских обязательств Соединенных Штатов. И третий вопрос, третье явление в этой стране: это когда любой провал в части исполнения, назначения, выбора, обязательств государства, какой бы они ни сделали глупый ход и т. д., достаточно сказать «Хотели как лучше, а получилось как всегда», и вам за это ничего не будет.

И вот в этой ситуации просто удивительно, что мы до сих пор существуем.

Буклемишев. Знаете, уже две минуты кончились.

Муж2. Сейчас я заканчиваю. Высокой добавленной стоимости с использованием наших же природных ресурсов. Я единственное только могу сказать, что я был на совещании, и там был известный архитектор нового мирового порядка Тимченко, и я ему задал вопрос...

Ведущий. Ну давайте не будем про Тимченко...

Муж2. «А что будет, если мы будем свои ресурсы продавать не в сыром виде, а вложенными в готовую высокотехнологическую продукцию?» **Буклемишев.** Хорошо. Передайте микрофон на второй ряд Волконскому. Просьба тоже в две минуты уложиться по возможности.

Волконский. Волконский, Институт народно-хозяйственного прогнозирования РАН. Я хочу начать с то, что я, в общем, согласен, конечно, с Андреем Николаевичем в том, что санкции не только отрицательное влияние оказывают. И в общих чертах я попробую изложить, как я это представляю.

Если говорить о ближайших годах, то, конечно, речь идет только о потерях. Но очень важен общий тренд. А общий тренд не только российский. Я считаю, что Россия оживает, и в целом положение улучшается и будет улучшаться в дальнейшем и в экономической части. Но идет большое изменение и в мире – и в геополитике прежде всего, и в отношении к самым кардинальным вещам, которое я обозначаю как «кончается однополярный мир и возникает мир многополярный, в котором евразийский комплекс является одним из важных полюсов».

Ведущий. Виктор Александрович, время уже кончилось.

Волконский. Что мне кажется самым важным во влиянии санкций... Конечно, Андрей Николаевич четко показал, что в области *технологий, конечно, главная опасность заключается. Но дело в том, что государство должно обладать большим суверенитетом в экономической области, иначе остаются проблемы, которые рынок не решит.

Буклемишев. Виктор Александрович, время, пожалуйста... Просто Вы уже исчерпали свой лимит, не останется другим коллегам, которые хотели выступить.

Волконский. То требование, которое утвердилось в мире, о максимальной экономической открытости стран, оно должно быть реально иное. Я думаю, что не надо даже бояться здесь слова «автаркия», ну, конечно, разумная автаркия, для того чтобы государство регулировало долгосрочные тренды.

Буклемишев. Хорошо. Спасибо большое.

Муж3. Институт экономики РАН. Я хочу сказать, что за последние два десятка лет практически импортозамещения не было, сейчас нет и в ближайшие 10–15–20 лет не будет. Основная причина заключается в том, что нет специалистов. Квалифицированные специалисты в середине 90-х годов в том числе и из оборонки ушли зарабатывать деньги, и они в оборонку не вернулись.

Сейчас из тех выпускников технических вузов, которые их кончают, всего не больше 30% идут работать по специальности. Даже если есть какие-то очень серьезные заказы, очень большие заказы со стороны европейских стран, Латинской Америки и т. д., они не могут быть выполнены, потому что нет специалистов.

Я приведу один пример. Мне рассказывал знакомый, который в течение многих лет занимался атомным энергомашиностроением. Это крупнейший специалист в области атомной энергетике. Так он мне сказал, это было несколько лет назад, у него было письменное соглашение на производство продукции и целая группа людей не могла разместить эти заказы, потому что некому было делать.

Буклемишев. Спасибо, две минуты уже тоже кончились.

Муж3. Я считаю, что одна из важнейших задач, которая стоит перед страной, – это переход к производству высококвалифицированных специалистов в разных отраслях экономики.

Буклемишев. Спасибо большое. Передайте по ряду микрофон.

Субботин. Субботин, Институт мировой экономики Академии наук. Несколько очень коротких замечаний. Первое в отношении того, что мы попали не просто в санкции, которые так очень легко изолированно рассматривать, а попали в комбинацию, когда и санкции, и падение цен, и снижение курса. Поэтому что является более сильным стимулирующим импортозамещение – санкции или снижение курса национальной валюты – это отдельный разговор.

Второе по поводу того, можем ли мы сами еще что-нибудь такое учудить. Можем. Газпром потерял кусок украинского рынка. Украинцы заключили договор с норвежцами. Кусок рынка для Газпрома и России в этом смысле пропал, на ближайший год уж точно.

Следующее в отношении того, что говорил Кузнецов в отношении Джексона – Вэника. Если блицкриг, завершение всей этой истории к лету 2015 года не получится и если пройдет закон о противодействии агрессии России, который прошел уже три чтения в Штатах, то по сравнению с этим поправки Джексона – Вэника – это все ерунда на постном масле, здесь куда более серьезные и разветвленные.

И собственно в отношении того, можем ли мы рулить сами. Можем. Но надо понимать, что когда Exxon закрывает 9 проектов из 10 в России, то из страны уходит компания, которой принадлежат 8 из 10 самых длинных горизонтальных скважин и мировой рекорд в 12 с лишним километров. Поэтому мы можем поменять рекордсмена мира на перворазрядника. Это мы сделать можем.

Буклемишев. Понятно. Спасибо. Передайте туда дальше.

Муж4. Институт экономики. Я очень коротко постараюсь несколько слов сказать. Так как я много занимался историей, то санкции не раз возникали в условиях Советского Союза, и были разные способы выхода из ситуации условий санкций. Я думаю, очень правильное дело изучить это сейчас специально, но времени нет, чтобы об этом говорить. Но я хочу сказать еще другую вещь, которую здесь никто не говорил. Мне все-таки кажется, что не бесполезно подумать о том, что вообще может сделать общество, присутствующие и все другие, чтобы постараться не допустить разрастания санкций, а еще лучше – их отменить.

Буклемишев. Понятно. Спасибо. Передайте дальше.

Муж6. В свое время мне посчастливилось закончить физический факультет МГУ, поэтому я приведу три физических закона. А нас учили, что физика может все, что все определяют законы физики.

Первый шуточный. Закон всемирной гравитации. Поэтому, милые девушки, когда вы стараетесь по сильнее притянуться к принцу на белом коне или на черном «Майбахе», это вопрос вкуса, обратите внимание на числитель. Там что стоит? Масса притягивающихся объектов. Не допускайте глупость – не худейте. Это первое.

Второе. Первое начало термодинамики: $\Delta Q = \Delta A + \Delta U$. Никто не смог из моих студентов получить зачет автоматом, тогда я прошу: «Приведите хотя бы один пример, когда мы можем положительного результата, не совершая работы или не затрачивая энергии».

И к теме нашей дискуссии. Второе начало термодинамики: энтропия $\Delta S \geq 0$ в замкнутой системе. Мне как физику непонятно, как можно добиться положительного

результата, стараясь систему, как говорят наши уважаемые руководители, по сильнее замкнуть и сказать, что мы всё сами, я не имею в виду нашего уважаемого председательствующего, и, соответственно, все решим.

Спасибо.

Буклемишев. Хорошо. Спасибо большое. Хорошие выступления. Сейчас, наверное, участники могут высказать финальные замечания, если они у них есть. Начнем с Бориса Викторовича.

Кузнецов. Я могу только поблагодарить тех, кто поучаствовал в дискуссии. И как бы алаверды ко всем выступлениям. Все-таки, опять же, сомнения: могут ли санкции, не могут ли санкции быть полезны для экономики? Хочу просто обратить внимание, что больше всего ужасов от санкций рисовал как раз мой оппонент, который должен был доказывать, что они полезны, а я был гораздо более умерен.

Я считаю, что ничего катастрофического, наверное, не случится, если не будут сделаны какие-то резкие действия панического плана. И для того чтобы понять, о чем я говорю... Тут был вопрос, он был обращен к Андрею Николаевичу, поэтому я на него не реагировал: каковы вообще внутренние источники ликвидации того самого технологического провала в условиях, когда нас никто не любит? Я хочу просто напомнить, всё делится на потребление и накопление. Технологический провал ликвидируем – значит, должно быть больше накопления. А тогда без всякой термодинамики должно быть меньше потребление. Если у вас нет роста. Если у вас есть рост, то можно все это делать. У нас роста пока нет. Значит, если мы отказываемся от внешних источников финансирования или сильно их ограничиваем даже там, где нам не запрещают, тогда, как говорил Лукашенко, народ будет жить плохо, но недолго.

Клепач. Сегодня уже Борис показывал картинку про медведя. Опять же, видимо, после того, как президент сослался на медведя, что это у нас как бы символ, а не бык. Но я что хотел сказать – чем больше Россию загоняют в какое-то безвыходное положение и чем хуже становится, тем в конечном счете все-таки Россия собирается и поднимается. Я думаю, что с санкциями, хотя это надолго, произойдет то же самое. Можно сколько угодно говорить, что у нас того нет, специалистов нет... На самом деле есть. Я достаточно много работаю с предприятиями и в электронике, и в авионике, и в судостроении, и в авиации. Есть и идет сейчас достаточно хорошая молодая генерация специалистов – и по 20 с лишним лет, и 30 с лишним лет. Есть достаточно интересные и серьезные идеи и заготовки. Поэтому возможность сделать рывок, она есть. Вот сможем ли мы этим управлять?

На мой взгляд, главная проблема даже не в деньгах. У нас и деньги есть, если брать Фонд национального благосостояния, с Резервным фондом это 8% ВВП, это примерно почти те же 8 триллионов рублей. Там нельзя их все сразу использовать, но, так или иначе, есть ресурс. И никто закрытую экономику не собирается делать, в том смысле ищут возможности заимствований за рубежом и на азиатских рынках, просто это процесс длительный, не такой быстрый. Но возможности есть. Ключевой дефицит и отсюда главная проблема – это как скоординировать это, как управлять. Ну и надо, по-любому, в это верить. Если мы изначально не верим, что мы можем сделать хоть что-то, мы никогда точно ничего не сделаем.

Буклемишев. Большое спасибо. На этой оптимистичной ноте мы, видимо, закончим. Я хочу напомнить всем участникам, что следующий диспут будет 18 декабря тоже в 6 часов вечера. Кто именно там будет выступать – будет ясно чуть позже. Эта информация будет на сайте АНЦЭА и потом в рассылке. Большое спасибо. Всего хорошего.